

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.3>

UDC 81'374:82-1
LBC 81.054

Submitted: 22.01.2019
Accepted: 01.03.2019

DESCRIPTION OF PERSONIFICATION IN THE DICTIONARY AS A PROBLEM OF POETIC LEXICOGRAPHY¹

Zoya Yu. Petrova

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Natalia A. Fateeva

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. The article offers a methodology for the lexicographic description of personification in the 6th volume of the “Materials for the Dictionary of Metaphors and Similes of the 19-21st Centuries Russian Literature. Human”. Personification is considered as constructions of metaphors and similes with the meaning of personalization, that is, comparative tropes with the vehicles belonging to the “Human” semantic category. The methodology is based on ideographic and chronological principles which allow us to summarize the information on the composition of comparative trope system and its development in the course of time. While grouping the material, the authors take into account the semantic relations of units in the language lexical system: “genus–species”, “action–actor”, “action–instrument”, synonymy, antonymy, conversion, derivation, etc. The main source of the dictionary is poetry and prose of the Russian writers of the 19-21st centuries (about 500 authors).

The paper presents the dictionary description methodology on the example of the dictionary entry titled “Death”, which serves as a pilot design for testing the ideographic classification of the entire volume. The pro words of tropes personifying death are divided into the following classes: “Units naming persons”, “Movement”, “Speech”, “Actions of death with a person”, “Physical states and processes in the body”, “Parts of the body”, “Emotions and emotional actions”, “Attributes of death”. The classification is developed on the basis of analyzing 2 500 figurative contexts personifying death taking into account already existing ideographic classifications. The article shows that evolution of semantic classes of vehicles is observed in the direction of increasing diversity of names of actions, functions, properties, characteristics, states, instruments of death.

Key words: personification, comparative trope, tenor, vehicle, dictionary entry, ideographic principle, chronological principle, lexicography.

Citation. Petrova Z. Yu., Fateeva N. A. Description of Personification in the Dictionary as a Problem of Poetic Lexicography. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 1, pp. 33-46. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.3>

УДК 81'374:82-1
ББК 81.054

Дата поступления статьи: 22.01.2019
Дата принятия статьи: 01.03.2019

СЛОВАРНОЕ ОПИСАНИЕ ОЛИЦЕТВОРЕНИЯ КАК ПРОБЛЕМА ПОЭТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ¹

Зоя Юрьевна Петрова

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, г. Москва, Россия

Наталья Александровна Фатеева

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье предложена методика словарного описания олицетворения в шестом выпуске «Материалов к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XXI вв. Человек». Под олицетворением пони-

маются конструкции метафор и сравнений со значением персонификации: компаративных тропов, образы сравнений которых относятся к семантической категории «Человек». Методика опирается на идеографический и хронологический принципы, что позволяет обобщить данные о составе системы компаративных тропов и о ее развитии во времени. При группировке материала учитываются семантические отношения единиц лексической системы языка: «род – вид», «действие – деятель», «действие – инструмент» синонимия, антонимия, конверсия, отношения словообразовательной производности. Основным источником словаря – поэзия и проза русских писателей XIX–XXI вв. (около 500 авторов). Методика словарного описания представлена на примере словарной статьи СМЕРТЬ, которая служит пилотной для построения идеографической классификации всего выпуска. Опорные слова тропов, персонифицирующих смерть, подразделяются на классы: «Обозначения людей», «Действия смерти с человеком», «Атрибуты смерти», «Движение», «Положение в пространстве», «Восприятие», «Звуки и речь», «Физические состояния и процессы в организме», «Части тела», «Эмоции и эмоциональные действия», «Отношения, взаимодействие человека со смертью», «Свойства характера и оценка». Классификация разработана на основе анализа 2 500 тропеических контекстов, персонифицирующих смерть, с учетом уже существующих идеографических классификаций. Показано, что классы образов сравнения развиваются в направлении большего разнообразия обозначений действий, функций, свойств, характеристик, состояний, инструментов.

Ключевые слова: олицетворение, компаративный троп, предмет сравнения, образы сравнения, словарная статья, идеографический принцип, хронологический принцип, лексикография.

Цитирование. Петрова З. Ю., Фатеева Н. А. Словарное описание олицетворения как проблема поэтической лексикографии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 1. – С. 33–46. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.3>

Общие замечания.

Методика словарного описания компаративных тропов

Мысль о связи компаративных тропов с языковой картиной мира, с системой семантических полей давно высказывалась исследователями и нашла воплощение в характеристике определенных классов (в разной терминологии – полей, моделей, парадигм) тропов [Баранов, 2014; Кожевникова, 1995 и др.], а также поэтических образов (Павлович), однако полного описания системы метафор и сравнений художественной литературы до сих пор не существует, а словарное представление олицетворения продолжает оставаться актуальной проблемой поэтической лексикографии². На решение задачи целостного описания тропов в эволюционном аспекте направлен продолжающийся лексикографический проект «Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв.». Системное представление компаративных тропов осуществляется на основе нескольких принципов. Во-первых, каждая метафора или сравнение характеризуется как элемент образной параллели, класса компаративных тропов, который в свою очередь входит в более крупный класс тропов. Если определить каждый компаративный троп как пару $\langle x, y \rangle$, где x – предмет сравнения (то, что сравнивает-

ся), а y – образ сравнения, то и x , и y являются элементами семантических полей, которые образуют систему, описываемую в терминах идеографической классификации лексики. Таким образом, при группировке словарных единиц применяется идеографический принцип, или принцип семантического поля. Во-вторых, систематизация осуществляется с учетом диахронического принципа, что позволяет представить в словаре систему компаративных тропов в ее развитии. В-третьих, языковой материал распределяется по синтаксическим типам конструкций, в которых встречаются опорные слова тропов, и по основаниям сравнения, что помогает глубже понять динамику грамматической структуры компаративных тропов в ее истории и смысловую мотивировку образных соответствий.

Авторы «Материалов для словаря...» стремятся к тому, чтобы тропы были представлены полным набором их семантических типов, и к тому, чтобы каждая образная параллель в словаре была проиллюстрирована контекстами из произведений, соотносимых с разными периодами развития русской художественной литературы. Основным источником словаря – поэтические и прозаические произведения русских писателей XIX–XXI вв. (около 500 авторов). В качестве дополнительного материала привлекаются примеры из древнерусской литературы, произведений XVIII в.,

а также фольклорные параллели, библейские контексты. При составлении последних выпусков словаря активно используется Национальный корпус русского языка (НКРЯ), в том числе его Поэтический подкорпус. К настоящему времени изданы пять выпусков «Материалов к словарю...»: выпуск 1 «Птицы», выпуск 2 «Звери, насекомые, рыбы, змеи», выпуск 3 «Растения», выпуск 4 «Камни, металлы», выпуск 5 «Ткани, изделия из тканей» (Кожевникова, Петрова). В статье представлен проект очередного (шестого) выпуска «Материалов к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XXI вв.», который будет посвящен описанию олицетворения.

Как показывает сопоставление семантических классификаций образов сравнения, с одной стороны, первых пяти выпусков, а с другой – рассматриваемого в данной статье шестого выпуска, семантическая категория «Человек» устроена гораздо сложнее, чем перечисленные выше категории, соответствующие названиям выпусков 1–5. В этих выпусках подавляющее большинство опорных слов тропов составляют имена существительные. Их родо-видовые, синонимические и другие связи описываются достаточно однозначно. Кроме того, представлено небольшое количество глаголов и прилагательных, связи которых с ядерными элементами полей тоже легко устанавливаются. В категории «Человек» имена существительные (обозначения людей), глаголы (обозначения действий) и прилагательные (обозначения человеческих характеристик) составляют многочисленные и разветвленные классы лексических единиц, которые находятся друг с другом в сложных и не всегда однозначно устанавливаемых отношениях. Словарное описание метафорических и сравнительных конструкций со значением олицетворения, предполагающее решение задач систематизации и единообразного представления этих конструкций, классификации их по указанным выше принципам (семантическому, хронологическому и формальному), в силу многомерности описываемого множества элементов значительно усложняется по сравнению с предыдущими выпусками. Кроме того, описание олицетворения ставит перед лексикографами проблему представления таких связей между элементами разных классов

образов сравнения, которые участвуют в создании новых тропеических единиц на основе традиционных, то есть в эволюции тропов в языке художественной литературы.

Олицетворение.

Определение границ понятия

Олицетворение, или персонификация, – приписывание в контексте художественного произведения неживым предметам, животным, растениям и отвлеченным понятиям человеческих свойств – анализируется многими исследователями языка русской поэзии в разных аспектах: Е.А. Некрасова рассматривает олицетворение в ряду смежных тропов и его функции в некоторых поэтических идиостилиях [Некрасова, 1994], работы Я.И. Гина посвящены проблеме соотношения категорий рода и пола при олицетворении [Гин, 1992], С.К. Константинова обращается к семантическим классам персонифицируемых реалий и классам сочетающихся с ними предикатов со значением человеческих действий, состояний и свойств в языке художественной литературы первой половины XX в. [Константинова, 1997], М.Н. Эпштейна интересуют, среди разнообразных образов природы у русских поэтов, различия в образах олицетворенной природы у Есенина и Пастернака [Эпштейн, 1990, с. 248–250], И.И. Ковтунова изучает, наряду с другими метафорами и сравнениями Пастернака, «метафоры живого мира», одухотворяющие мир природы и мир окружающих человека вещей [Ковтунова, 1995, с. 171–186].

В науке нет единства мнений в понимании термина «олицетворение». Некоторые исследователи определяют его как приписывание неживым реалиям признаков не только человека, но и животного [Болквядзе, 1995, с. 5; Григорьев, 1979, с. 229]. Мы толкуем этот термин более узко и не включаем в описание контексты, отражающие зооморфизм. Однако те обозначения, которые являются общими для человека и животных, если в контексте нет других указаний на сравнение с животным, в словаре будут приведены (например, слова семантических классов «Сон», «Дыхание», соматизмы *нога, живот, нос* и пр.). Подобным образом разграничиваются и единицы, входящие в категории «Человек» и «Сверхесте-

ственные и мифологические существа» (*бог, богиня, ангел, чудовище* и пр.): мы не рассматриваем контексты, в которых содержатся обозначения сверхъестественных и мифологических существ, наименования частей их «тела» и действий, специфичных для этих существ, отличающих их от человека (например, *крылья, летать*), но включаем в словарь обозначения общих признаков.

Далее, в отличие от Е.А. Некрасовой, которая определяет олицетворение, отделяя его от смежных тропов, в частности, метафоры [Некрасова, 1994], мы не разграничиваем эти феномены, понимая под олицетворением метафоры и сравнения со значением персонификации, то есть компаративные тропы, образы сравнений которых относятся к семантической категории «Человек».

Представление олицетворения в «Материалах к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XXI вв.»

Основные семантические классы предметов сравнения в шестом выпуске «Материалов к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XXI вв.» – «Окружающий мир» («Земля», «Вода», «Свет», «Огонь», «Растения», «Животные», «Предметы, созданные человеком» и др.), «Время» («Времена года», «Части суток» и др.) и некоторые концептуальные классы категории «Человек» (см. ниже).

Как мы уже отмечали, в отличие от предыдущих выпусков, классификация образов сравнения, входящих в категорию «Человек», гораздо более разветвленная и опорные слова тропов гораздо более многочисленны, что объясняется антропоцентризмом метафорической картины мира художественной литературы. Как и в предыдущих выпусках, названием каждой словарной статьи является обозначение реалии – предмета сравнения (например, ЗЕМЛЯ, МОРЕ, СОЛНЦЕ, ЗИМА, ДУША, ЖИЗНЬ, СМЕРТЬ и т. д.), ее подразделами – обозначения образов сравнения семантической категории «Человек». Эта категория подразделяется на следующие основные классы: «Физические состояния, свойства, процессы в организме» («Сон», «Дыхание»,

«Питание», «Болезни» и т. п.), «Голос, звуки», «Восприятие», «Части тела», «Родство», «Отношения личной сферы», «Жизнь, смерть, возраст, судьба, различные жизненные обстоятельства», «Движения», «Физические действия», «Интеллект», «Эмоции, эмоциональные действия, свойства характера», «Социальная сфера», «Наука», «Искусство», «Религия», «Язык, речь», а также класс «Обозначения людей» (по профессии, по национальности, социальной роли и пр.), который может пересекаться со всеми перечисленными выше семантическими классами. Разные образы сравнения имеют разный диапазон предметов сравнения, к которым они могут относиться. Например, в классе «Обозначения людей» наибольшей широтой охвата предметов сравнения обладают термины родства [Петрова, 2017], а также обозначения *царь (царица), друг, часовой, гость, старик* и некоторые другие. В этом же классе есть и редкие образы сравнения, например, *шулер, мотоциклист (-ка)*, но и они не единичны. Образ сравнения *мотоциклист (-ка)* характеризует смерч и смерть:

(1) Смерчик еле зримый, предрассветно мглист, / Пронесется мимо, как **мотоциклист** (Мартинов 1956);

(2) смерть лошадка смерть **мотоциклистка** / смерть Орфея / в крагах и в очках летающая низко / над землею (Кривулин 1997).

Слово *шулер* образно обозначает море, стихии, жизнь, смерть:

(3) – А что? – Мы в Северном море. А оно может надуть, как **шулер** (Новиков-Прибой 1924);

(4) И, следя / Пути богатств, волнам врученных; хищно споря, / Как с шайкой **шулеров**, с стихиями (В. Державин 1934);

(5) И в карты, кажись, Стал я проигрываться / С пеленок. Жизнь – / Это **шулер**. / Подлая жизнь Любит играть / На крапленных (Уткин 1926–1933);

(6) Но, Боже, страсти знают лишь живые, / А смерть, как **шулер**, все возьмет к утру! (Амари 1939).

Каждый семантический класс тропов представлен в словаре как множество элементов, структуру которого задают соответствующие семантические поля прямых употреблений слов. При этом учитываются семантические связи слов поля: «род – вид», «дей-

ствие – деятель», «действие – инструмент», синонимия, антонимия, конверсия, отношения словообразовательной деривации и некоторые другие.

Классификация материала на примере словарной статьи СМЕРТЬ

Рассмотрим классификацию языкового материала в 6-м выпуске словаря на примере описания одной словарной статьи этого выпуска. Классификация разработана авторами исходя из тропических контекстов, поэтических и прозаических, персонифицирующих смерть (около 2 500 контекстов), с учетом уже существующих идеографических классификаций лексики, представленных как в монографических исследованиях [Караулов, 1976], так и в лексикографических изданиях (Морковкин; Шведова).

Опорные слова тропов, персонифицирующих смерть, подразделяются на следующие классы: «Обозначения людей», «Действия смерти с человеком», «Атрибуты смерти», «Движение», «Положение в пространстве», «Восприятие», «Звуки и речь», «Физические состояния и процессы в организме», «Части тела», «Эмоции и эмоциональные действия», «Отношения, взаимодействие человека со смертью», «Свойства характера и оценка».

Эта классификация условна, так как, во-первых, элементы разных классов в ряде случаев связаны друг с другом сильной семантической связью. Так, наименования смерти *убийца*, *вор*, *ловец*, *косец*, относящиеся к классу «Обозначения людей», связаны соответственно с предикатами *убивать*, *похищать*, *ловить*, *косить*, относящимися к классу «Действия смерти с человеком». Во-вторых, в текстах семантические классы пересекаются. Например, взаимодействуют классы «Обозначения людей», «Действия смерти с человеком», «Атрибуты смерти», что восходит к мифологическим представлениям древних славян о смерти как старухе с косой (серпом) [Толстая, 2012]; «смерть то жадно пожирает людской род своими многоядными зубами, то похищает души, как вор, схватывая их острыми когтями, то, подобно охотнику, ловит их в расставленную сеть, то, наконец, как беспощадный воин, поражает людей стрелами или другим убийственным оружи-

ем» [Афанасьев, 1994, с. 43–44]. Эти представления отразились в русской литературе XVIII–XIX вв. в персонифицирующих номинациях *старуха*, *злодейка*, *лиходейка*, *вор*, *тать*, *ловец*, *витязь*; в предикатах со значением «убийство, уничтожение»: *губить*, *пресечь*, *отсечь*, *сокрушить*, *сразить*, *поразить*, *нанести удар*, а также в предикатах со значением «похищение, воровство»: *похищать*, *захватить*, *отнимать* и со значением «охота»: *ловить*, *загнать в сеть*; в обозначениях атрибутов смерти: *коса*, *серп*, *кинжал*. Например:

(7) Амур, Гимен со Смертью строгой / Когда-то шли одной дорогой / Из света по своим домам, / И вздумалось молодцам / Втащить **старуху** в разговоры (Дмитриев 1805);

(8) Приходит смерть к нему [смертному], как **тать**, / И жизнь внезапно **похищает** (Державин 1779);

(9) Да, это было все: горел твой ясный взор, / Звенел твой юный смех, задорный и беспечный, / И смерть все **отняла**, подкравшись к нам, как **вор**, / Все уничтожила с враждой бесчеловечной (Надсон 1883);

(10) Как ярый **витязь**, смерть нашла, / Меня, как хищник, **низложила**, / Свой зев разинула могила / И все житейское **взяла** (А.К. Толстой 1858);

(11) Одни другим корысть, гонящи и гонимы, / Как лисы хитростны, как львы неукротимы, / Доколе всех их Смерть, могущий сей **ловец**, / В железную **сеть** свою **загонит** наконец (Ширинский-Шихматов 1812);

(12) Чувствительну красу, приятность с добротой / **Посекла** смерть **косою**, / Прервавши нежную нить ее цветущих дней (Капнист 1797);

(13) Один лишь слабый человек, / **Косою** смерти **пораженный**, / Увявши, не восстанет век (В. Крассовский 1802);

(14) Ударил час, и смерть, **косою** / Взмахнув, **пресекла** жизни нить (Радищев 1804);

(15) Быть может, ночь сия началось / Спокойной, вечной ночи мне, / И острым люта смерть **кинжалом** / Меня **сразит** в сладчайшем сне (Мерзляков 1797);

(16) Не ревнуй отнюдь лукавым, / Беззаконным не завидь, / Скоро смерть **серпом** кровавым Их приидет **поразить** (Державин 1804).

Материал показывает, что элементы указанных классов встречаются попарно в одном контексте с указанными выше значениями, но мы разделяем их для удобства и единообразия словарного представления разных реалий – предметов сравнения – на 3 класса: «Обозна-

чения лиц», «Действия смерти с человеком», «Атрибуты смерти», в каждом случае отмечая их семантическую общность с помощью перекрестных отсылок.

Наиболее ранние образные наименования смерти посредством обозначений людей, перечисленные выше, детерминируют формирование следующих подклассов этого семантического класса: *старуха* – «Обозначения людей по полу и возрасту», *злодейка, лиходейка, тать, вор, ловец, витязь* – «Обозначения, связанные с видами человеческой деятельности», с дальнейшим подразделением на подклассы «Преступная деятельность» («Убийство», «Воровство»), «Охота», «Война». К ранним наименованиям смерти, входящим в этот объемный семантический класс, можно отнести и наименования людей по роду занятий: слова *всадник, седок*, которые связаны с библейским представлением о смерти – всаднике Апокалипсиса, слово *страж*, связанное с караульной функцией, и слова *косец, жнец и жница*, по своему основному значению связанные с мирным сельскохозяйственным трудом, но в образных описаниях смерти примыкающие к классу «Убийство, уничтожение». Предметным именам, связанным с видами деятельности, соответствуют глагольные метафоры, объединенные значением «Действия смерти с человеком», которые подразделяются на подклассы «Убийство, уничтожение» (предикаты с общим значением *губить, уложить в могилу*; предикаты, связанные с разными способами убийства: *сразить, сечь, косить, ударить*), «Воровство» (предикаты *похищать, хватать, взять*), «Охота» (предикаты *захватить добычу, загнать в сеть*), а также предикаты, связанные с караульной функцией смерти: *стоять стражем, сторожить*, и слова *битва, биться, борьба*, напоминающие о воинственности смерти и включенные нами в класс «Отношения, взаимодействие человека со смертью»; кроме них, в этот класс входят слова со значением «Игра»: *играть с кем-либо / во что-либо, проиграть, ходить козырем* и др., слова со значением «Обман, шутка»: *лгать, врать, шутить, обманывать*; однако элементы двух последних подклассов, судя по нашим данным, фиксируются в литературе с начала XX века. Действия смерти с человеком, как

правило, характеризуются как негативные, однако можно выделить несколько рядов обозначений действий с нейтральной оценкой, например, «Закрывать человеку глаза и рот»: *смыкать очи, сомкнуть вежды, закрыть очи, завесить очи, запереть уста, закрыть уста*; «Уводить, уносить человека»: *влечь, уносить, унести, умчать, уводить*, а также действий с позитивной оценкой: *объятия, обнимать, ласка, поцелуй, целовать, касаться к устам, обвенчать, помочь, поднять завесу с тайн* и др.

Среди метафорических предикатов, помимо класса «Действия смерти с человеком», с конца XVIII в. выделяется класс «Движение» с подклассами «Движение по направлению к субъекту, появление вблизи субъекта, в помещении, где находится субъект»: *приближаться, приходить, подходить, посетить, войти, вступать* и т. д. (этот подкласс предикатов связан с наименованиями *гость, гостья, пришлец*); «Движение за субъектом, преследование»; «Движение безотносительно к субъекту»: *идти, ходить, рыскать, бежать*; «Скакать на коне» (этот подкласс связан с наименованиями *всадник, седок*). Кроме того, выделяются классы «Положение в пространстве»: *стоять, сидеть, склониться*; «Стучать(ся)»: *стучать, стучаться, стук, стучаться в дверь / у дверей, стучаться к кому-либо, стучаться в грудь / сердце*; «Зрительное восприятие»: *смотреть, глядеть, поглядеть, глянуть, взирать*; «Речь, пение»: *говорить, сказать, шепнуть, разговор, ответствовать, звать, воскликнуть, петь*; «Физические состояния и процессы в организме» («Питание, пищеварение»): *глотать, поглощать, пожрать*; «Дыхание»: *дохнуть, дышать, дыхание, вздох*; «Сон»: *проснуться*; «Эмоции и эмоциональные действия»: *яриться, улыбаться, улыбка*.

В класс «Обозначения людей» входят также наиболее ранние обозначения лиц, связанных отношениями родства и дружбы / вражды: *невеста, мать, сестра, друг, подруга, ворог, враг* и наименования *гость, гостья, пришлец*, например:

(17) Когда бы жизнью он скучал / И смерть к себе как **друга** звал, / Тогда бы долго прожил с нами (Карамзин 1795);

(18) <...> отдаю за тебя свою дочь <...> – Нет, Евстафий, мне, видно, одна **невеста** – смерть <...> (Марлинский 1823);

(19) Скоро минуло отрадное время; / Смерть все пресекала, наш незванный **гость** (Катенин 1814).

(20) Там даже смерть, **пришлец** жестокий, / Склоняясь на одр неодинокий, / Теряет хладный ужас свой (Жуковский 1820).

Кроме того, выделяется класс «Свойства характера», большая часть входящих в него единиц выражает отрицательные характеристики: *лютая, грозная, неумолимая, угрюмая, суровая, хищная, алчная, жадная, ненасытная*, но в этот же класс включаются и обозначения проявлений положительных качеств – жалости, милосердия: *сжалиться, щадить, простить*.

Обширную группу олицетворений, фиксируемых в нашем материале с конца XVIII в., составляют обозначения частей тела, наиболее частотные из которых – *рука* и его синонимы *длань, десница*. *Рука* непосредственно связана с характерными для смерти действиями. *Рука* выполняет роль инструмента в конструкциях со словом *смерть* в качества агенса:

(21) И смерть хватала их холодною **рукой** (Пушкин 1815).

В ряде конструкций соматизм *рука* выполняет роль агенса; в них наблюдается метонимия на основе отношения «часть – целое» (*рука* – *смерть*): *Она не договорила, рука лютотой смерти оковала язык ее и смежила ангельские глаза навеки* (П. Шаликов 1819), ср. *Сомкнула смерть его земные вежды!* (Тютчев 1828–1829). Образные высказывания с этим соматизмом, выполняющим роль агенса, содержат чаще всего те же метафорические предикаты, с которыми сочетается слово *смерть*.

В поэтическом языке конца XVIII – первой половины XIX в. слово *рука* (*руки*) *смерти* встречается в сочетаниях с предикатами *хватать, прекратить нить жизни, разорвать цепь дней, губить, протягивать (простирает) руки, коснуться, тяготеть, уводить*.

Зафиксированы также «формульные» эпитеты, характерные для метафоры *рука*

смерти: *железная, холодная, ледяная*. Встречаются определения, выражающие не только отрицательную, но и положительную оценку (*непреклонная, ужасная, губительная, нещадная, угрюмая и упокоительная, благотворная, ласковая*).

В этот же период в поэтических текстах встречаются соматизмы *зев, челюсти, зубы*, связанные с типичными для смерти предикатами *глотать, поглощать, пожрать*:

(22) В толиком бедстве изнуренный, / Отверстый видя смерти **зев**, / Какой отрадой восхищенный, / Зрит некий свет он меж дерев! (Капнист 1796–1806);

(23) Се смерть, сто разинув, / Сто **челюстей** черных, / Прострет свою лютость / В твою грудь и сердце! (Радищев 1800–1802);

(24) Едва увидел я сей свет, / Уже **зубами** смерть скрежещет (Державин 1779).

В составе тропов употребляется соматизм *глаза* (в основном в устойчивых словосочетаниях *глядеть, заглянуть, поглядеть, смотреть в глаза смерти*):

(25) Сказываю тебе вперед: страшно заглянуть в **глаза** смерти (Ф. Булгарин 1830);

(26) Но какво, однако, сутки глядеть в **глаза** смерти! (Гончаров 1855).

Единичен контекст с обозначением *ухо* *смерти*:

(27) Голос не тронет безмолвного праха, и в хладно-немое / **Ухо** смерти не вкрадется сладкий ласкательства лепет (Жуковский 1839).

В литературных произведениях конца XVIII – первой половины XIX в. фиксируются обозначения атрибутов смерти, связанные с древними аллегорическими представлениями (см. выше), самое частотное из которых – *коса*:

(28) Изрек... и смерть тут улыбнулась, / Облокотившись на **косу**; / **Коса** на вью вдруг пригнулась – / Погиб надменный в том часу (Г. Каменев 1796);

(29) Не мни, чтоб смерть своей **косой** / Тебя в полете миновала; / Нет в мире тверди никакой, / Против ее чтоб устояла, / Как придет (Радищев 1780–1801).

Коса встречается в повторяющихся сочетаниях с глаголами *сечь, посесть, косить, скосить, истребить, поразить*:

(30) Чувствительну красу, приятность с добротой / **Посекла** смерть **косою**, / Прервавши нежну нить ее цветущих дней (Капнист 1797);

(31) Где его сила, / Где власть, краса? / Все **подкосила** / Смерти **коса** (И. Варакин 1812);

(32) Что, смерти **истреблен косою**, / Я вновь во прахе возрождусь (А. Клушин 1793),

а также с глаголами *занести, возносить косу; махать, взмахнуть, замахнуться косою*. Реже встречаются название другого сельскохозяйственного орудия – *сери* и название оружия – *кинжал*.

Все рассмотренные выше семантические классы персонифицирующих тропов развиваются во времени в направлении все большего разнообразия входящих в них элементов, это развитие происходит в результате актуализации семантических отношений в классах тропов. Важная задача рассматриваемого лексикографического проекта – продемонстрировать эволюцию семантических классов компаративных тропов в языке художественной литературы на протяжении всего исследуемого периода. Для этого материал в словаре организован по временному принципу, который позволяет проследить развитие каждого класса тропов.

Наличие в классе «Обозначения людей» образного наименования *старуха* обусловлено появлением различных женских образов смерти. Так, на основании отношений синонимии возникают обозначения *карга, пожилая особа женского пола* и др.:

(33) Что же дальше? Что там видно? – / Тьфу ты черт! – глядеть обидно: / С ликом жуткого врага / Смерть там видится, **карга** (Кропивницкий 1952);

(34) Смерть представляется в одушевленном виде, то есть живою, / паче же – **особой женского пола**. / **Старой девой** или вдовой военного; так вполне **пожилою**, / разгадывательницей кроссвордов в журнале «Семья и школа». / Непременной общественницей, активисткой в ЖЭКе. / Может быть, даже работницей городского собеса / иль профсоюза, шарящей по картотеке / подслеповато, с кариесом во рту (О. Николаева 1995).

Пополнение класса происходит за счет развития отношений «вид – род» в XX в. (к смерти применяются и обозначения без уточнения возраста: *женщина, дама, дамочка*):

(35) Ты – Смерть, **женщина** с умным взглядом, / Ты нежишь свое дитя? (Лозина-Лозинский 1916);

(36) Пока на грудь, и холодно и душно, / Не ляжет смерть, как **женщина** в пальто / И не раздавит розовым авто / Шофер-архангел гада равнодушно (Поплавский 1923–1930);

(37) Отыгрался червонный закат / и, на черную ночь посмотрев, / видит: высунулась из-за карт / смерть-лукавица, **дама** трэф (С. Петров 1943);

(38) Это понимаешь только вот накануне конца, когда подкрадывается тихонько какая-то болезнь и нашептывает по ночам, как сводня: «Ах, Захар, с какой я тебя **дамочкой** хочу познакомиться!» Это она – про смерть... (М. Горький 1928–1935),

а также отношений противопоставленности, контраста (метафоры, обозначающие противоположный *старухе* возрастной полюс: *девочка, девушка, девица*):

(39) Сияньем и сном растревожен вдвойне, / Я сонные глазки открыл, / И **девочка**-смерть наклонилась ко мне, / Как розовый ангел без крыл (Цветаева 1906–1912);

(40) Смерть – это **девушка** в одежде светлой, бальной, / Но у нее простой и добрый вид (Лозина-Лозинский 1912);

(41) Если ж смерть к нам постучится, / Вспомним, что она – **девица!** (Агнивцев 1915–1921).

Появляются и единичные образные характеристики смерти с семантическим признаком ‘мужской пол’ (возможно, в таких контекстах проявляет себя влияние германской традиции, персонифицирующей смерть в мужском образе): *старик* (vs. *старуха*), *мужчина* (vs. *женщина*):

(42) Ты умрешь бесславно иль со славой, / Но придет и властно глянет в очи / Смерть, **старик** угрюмый и костлявый, / Нудный и медлительный рабочий (Гумилев 1908);

(43) Смерть, погибель, кончина... / Но меня не обманешь родом, / я знаю: смерть – **мужчина**, / щеголь рыжебородый, / надушенный, статный, еле / заметно кривящий губы... / И так он меня полюбит, / что больше не встану с постели (В. Павлова 1997).

На основе отношений словообразовательной производности появляется новое иронически-фамильярное обозначение смерти с уменьшительным суффиксом (*старушка* < *старуха*):

(44) Пусть Кант-постовой засвистит в свисток, / а в Веймаре пусть Фейербах ревет: / «Прекрасных

видений живой поток / щелчок выключателя не прервет!» / Возможно, так. А возможно, нет. / Во всяком случае (ветер стих), / как только **Старушка** погасит свет, / я знаю точно: не станет их (Бродский 1964).

Ряд обозначений лиц, объединенных семантическим инвариантом «Преступная деятельность», включавший слова *злодейка, тать, вор*, пополняется новыми видовыми обозначениями:

(45) **разбойница** и грешница – / смирительница Смерть (С. Петров 1940);

(46) Ты – **гангстер**, сволочь, смерть, попутчик хилый (Луговской 1943–1956);

(47) Если у дерева тень зацветет, то засохнет / дерево тут же, а тень уподобится язве, / почву бесплодием отравит и даже не охнет – / сделает смерть откровенной **убийцей** (Жданов 1978–1991);

(48) Дай подольше посидеть у края бережка, / Злая Смертушка презлая, **Душегубушка!** (Чиннов 1984).

К этим наименованиям примыкают названия профессий, связанных с убийством:

(49) Отчаянье окрест и лютый плач: / И «Смерть» звался неведомый **палач** (Вяч. Иванов 1909);

(50) И к юду, в фартуке кровавом, / Не раз подходит смерть-**мясник**, / Но спит душа под салным сплавом – / Геенских лакомок балык (Клюев 1916–1918).

Класс названий профессий, состоявший в начале XIX в. из слов *страж, косец, жнец, жница, ловец, витязь*, пополняется большим количеством новых элементов как близких по семантике указанным обозначениям: *страж – сторож, часовой; ловец – охотник; витязь – стрелок, солдат*, так и далеких от них: *строитель, кузнец, рабочий, ветошница, машинист, мотоциклистка, кладоискатель, ключарь, садовница, землемерша, подрядчица*. Расширение ряда опорных тропов за счет названий некоторых профессий связано с развитием классов предикатов. Так, появление обозначений лиц по профессии, относящихся к области медицины (*лекарша, аптекарша, сестра милосердия*):

(51) За перегородкой аптекарша, / Сухошва: сплошная кость – / Смерть – безживотая **лекарша**, / Палец – ржавый гвоздь (Д. Бурлюк 1916);

(52) И смерть, как **сестра милосердная**, / в косянке красной и сером халате, / как привыкла бывать у себя в палате, / на помощь тихохонько подошла (С. Петров 1965),

объясняется развитием класса метафорических названий действий с позитивной оценкой. Среди них появляются предикаты со значением исцеления:

(53) Во все века страдания земли / Одна лишь смерть надежно **исцеляла** (Якубович 1881);

(54) Зачем люди клеветуют на смерть, представляют ее ужасною, жестокою? Жизнь страшна, жизнь свирепа, а смерть ласковый ангель. Она **исцеляет...** (Амфитеатров 1891–1896);

(55) Но плакать над судьбой я больше не должна, / И ненависть твою **излечит** смерть одна (Блок 1905),

с которыми указанные выше обозначения лиц связаны отношением «действие – деятель».

Аналогичным образом можно объяснить и появление обозначения *балерина*:

(56) Может быть, это будет картинно: / В розовато-жемчужном трико, / Улыбаясь, качаясь змеино, / Смерть, пленительная **балерина**, / Подбежит на пуантах легко (Чиннов 1974).

Оно непосредственно связано с предикатами *танцевать, плясать* и их производными *танец, пляска*, фиксируемыми в XX в. в более широком классе тропов со значением «движение» и связанными с древним аллегорическим сюжетом пляски смерти:

(57) Страшно в рождественскую ночь, когда смерть, обнявшись с бурей, **танцует** и гикает, взвиваясь снежным вихревым костром... (Тэффи 1910);

(58) Дышат ландыши весной, / Смерть танцует под сосной, / Плещут весла в гавани, Смерть **танцует** в саване (Б. Садовской 1915).

Этот ряд метафор пополняет и глагольная метафора *пойти вприсядку*:

(59) Я помню, город погребенный, / твою последнюю весну, / когда на площади Дворцовой, / махая тряпкою пунцовой, / **вприсядку** лихо смерть **пошла!** (Набоков 1921).

В XX в. появляются новые классы обозначений лиц, образно характеризующих смерть: «Игра на деньги, денежные отношения» (*крупье, шулер, спекулянт, торгаш, заимодавец*):

(60) Светлый гость, игрок задорный, / Разорется до нитки; / Ставка чести погибает, / Проигрыш **крупье** проворный – / Смерть – лопаткою сгребает (В. Иванов 1917);

(61) Стой, **спекулянт**-смерть, / хриплый твой вой лжив, / нашего дня не смей / трогать: он весь жив! (Асеев 1924),

«Властные функции» (*царица, владычица, государыня, хозяин, начальник, командир*):

(62) Пусть, поцелуй на мне оснуя, / Склонится смерть, **царица** жен (Хлебников 1911–1912);

(63) То Смерть-**владычица** была, / Она явилась на мгновение, / Дала мне жизни откровенье / И прочь – до времени – ушла (Бальмонт 1894);

(64) А как музыка зазвучала / И очнулась вокруг зима, / Стало ясно, что у причала / **Государыня**-смерть сама (Ахматова 1965–1966);

(65) Смерть – наш **хозяин**; кровь – утучнение полей; стон – песня (Зайцев 1921);

(66) Великим **начальником**, не знающим ослушания, была смерть: она поравняла всех перед собой, она научила всех своему языку (Кузьмина-Караваева 1924).

Со словом *хозяин* отношением конверсии связано обозначение *раба*:

(67) Себя стыдом ни разу не казнил, / И смертью он себя не изменил, / Смерть стала, как и жизнь, **рабой** покорной (Липкин 1979).

Класс терминов родства – обозначений смерти – пополняется словами *матушка, мама* и словом *отец* с подчеркнутым несовпадением по роду образа сравнения и предмета сравнения:

(68) И, как **отец**, / Над изголовьем смерть склонилась (Белоцветов 1930).

Развиваются и классы, включающие обозначения действий смерти. Так, класс «Движение» пополняется различными элементами, связанными с конкретизацией способов перемещения: *подползти, ползть* (ср. с традиционными обозначениями действий смерти *приблизиться, подойти*):

(69) Глаза глядят во мглу полярной ночи, / Но, как вода в земле, в нем кровь замерзла, / И на коленях смерть к нему **подползла** (Е. Полонская 1919);

(70) И когда нелепо, с краю / Смерть **ползет на кровать**, / Я смирюсь, но лишь не знаю: / Чем ее воспринимать?... (Г.А. Глинка 1972),

предикатами со значением противоположной направленности: *уйти, обойти, отступить* (ср. традиционное *прийти, приблизиться*):

(71) То Смерть-владычица была, / Она явилась на мгновение, / Дала мне жизни откровенье / И прочь – до времени – **ушла** (Бальмонт 1894);

(72) и человека с таким посошком, если встретится где на дороге, смерть до время **обходит!** (Клычков 1927);

(73) Клянусь тебе, мы страшно будем биться, / Клянусь тебе – мы скоро победим, / и даже смерть **отступит**, устрашится / и рухнет наземь остовом своим (Берггольд 1941).

Для характеристики смерти наряду с предикатами *ходить, рыскать* начинают употребляться слова *бродить, шляться, блуждать, гулять, шататься*.

Все более разнообразны предикаты речи. В XX в. их ряд пополняют глаголы *бормотать, поведать, повествовать, причитать, огрызнуться, кричать*. Кроме того, смерти приписывается способность не только говорить, но играть на музыкальных инструментах (*звенеть колокольцами, наигрывать, играть на трубе, на свирели, на гуслях, на саксофоне*), например:

(74) Смерть **играет** в саду **на трубе**, Звон сирей несется с аллея (Поплавский 1923–1930).

Развивается класс «Эмоциональные действия». Помимо элементов *яриться, улыбаться, улыбка*, для создания образа смерти используются такие единицы, как *смеяться, смех, хохотать, веселиться, плакать, рыдать*, например:

(75) Смерть, **смеясь**, к стеклу прильнула. / Эй, держи себя в руках! (Саша Черный 1923).

(76) Видно, смерть сама **рыдала**, / Близко к сердцу принимала / Человеческий удел (Чиннов 1958).

В классе «Действия смерти с человеком» расширяется подкласс обозначений негативных действий, который включал только названия губительных действий. Во второй половине XIX в. появляются, с одной стороны, новые обозначения *душить, встать на горло, вскочить, лечь на грудь*, характеризующие убийство:

(77) Смерть тотчас **на грудь** к нему **вскочила**, / Принялась **душить** его под горло (А. Майков 1860);

(78) Смерть **встала на горло** холодной ногой, / Ударила в спину железной клюкой (А. Прокофьев 1933).

С другой – появляются предикаты, обозначающие нанесение ущерба, не связанного с уничтожением:

(79) Смерть **сделала** тебе **бо-бо**, / О, мальчик мой Рембо! (Зенкевич 1926);

(80) Слишком мало уж было крови в его жилах, устала смерть **корезить** гибкое тело спортсмена, и выполз Сергей из-под нар через двое суток, волоча правую отнявшуюся ногу (К. Воробьев 1943);

(81) Им пришлось быть на фронте, и смерть **надавала пощечин**. / **Оскорбила** их смерть и пустила по свету, как камень (Слудский 1939–1956).

Подкласс «Охота» также пополняется новыми элементами, например:

(82) Все жившее замрет в восторженном экстазе / И Смерть **закинет сеть** на свой последний лов (Брюсов 1903);

(83) Жутко жить и весело. / Смерть **капканы свесила** (Городецкий 1912).

В классе «Отношения, взаимодействие человека со смертью» появляется новый подкласс со значением «Игра»: *играть в кости, в игру, в теннис, в дурачки, игра, проигрыш, смешать карты, ходить козырем* (см. обозначения людей: *шулер, крупье*):

(84) Смерть **играет** со мной в роковую **игру**, / Давит горло рукой беспощадной, / И я знаю, что я через месяц умру: / Стану грязью червивой и смрадной (Тиянков 1915);

(85) Не увидеть больше / Ни жены, ни дома... / **Ходит** смерть **козырем** с плеча! (П. Васильев 1932–1933).

Класс «Свойства характера и оценка» расширяется за счет разнообразных положительных эпитетов: *прекрасная, благая, сладкая, добрая, щедрая*, например:

(86) Смерть земная – всем сестра старшая, / Ты ко всем **добра**, и все смиренно / Чрез тебя проходят, будь благословенна! (Волошин 1919).

Развивается и класс «Физические состояния и процессы в организме». Подкласс «Питание», содержащий архаичные *поглотить*,

пожрать, пополняется общеупотребительными словами *съесть, переест, лакомиться*:

(87) Смерть-хищница пронырлива, хитра / И любит **лакомиться** молодыми, / Война – любимая ее пора, / Ее весна в сверканье, громе, дыме (Зенкевич 1953).

В этом же классе появляются обозначения ранее не встречавшихся в персонифицирующих контекстах физических состояний (*оцепенеть, устать, пьянеть, пьяная*) например:

(88) А рядом духовная смерть свирепеет / И сослепу косит, **пьяна** и сильна (Саша Черный 1908);

(89) **Пьянеет** смерть и мечется впотьмах / И, **пьяная**, вслепую мечет жребий... (М. Вера 1969).

В XX в. возникает новый класс образных обозначений «Магия» (*ворожить, заворжить, колдовать, расколдовывать*):

(90) Смерть в такую ночь **колдует**, / Тени множа и кружа (С. Клычков 1930–1931);

(91) Страшна душевная болезнь, а не смерть, недаром же у покойников всегда такие хорошие, умиротворенные лица. Даже у безумцев, вспомнил он с удивлением. Добрая сестра – смерть **расколдовывает** их души, прежде чем унести с собой (Нагибин 1972–1979).

Разнообразными элементами пополняется класс «Атрибуты смерти», первоначально включавший названия сельскохозяйственных орудий (*коса, серп*) и название холодного оружия (*кинжал*). Обозначения *коса* и *серп* встречаются в тропеических контекстах на протяжении всего рассматриваемого периода, в XX в. этот ряд пополняется словом *кирка*:

(92) И с **киркою** Смерть-кладоискатель Из сраженных души исторгает (Клюев 1915).

Наибольшее количество новых обозначений появляется в подклассе «Холодное оружие» (*секира, сабля, штык, нож*), потом к ним присоединяются обозначение *острога* («Орудия охоты»), а также названия других режущих предметов (*бритва, лезвие*):

(93) Придет ли смерть, загадочная сводня, / И **лезвием** по горлу защекочет, / Я все приму сегодня, / Чего смерть ни захочет (Хлебников 1921).

В классе «Оружие» формируется подкласс «Огнестрельное оружие»:

(94) Смерть несет через локоть **двустволку**, немые сосны, и звезды молчат (Асеев 1921).

Заметим, что такой атрибут смерти, как клюка, который первоначально упоминался при описании ситуаций, связанных с убийством (*смерть стучит клюкой в окно*), в поэтическом языке XX в. осмысливается как орудие убийства:

(95) Смерть встала на горло холодной ногой, / Ударила в спину железной **клюкой** (А. Прокофьев 1933).

Таким образом, системное описание компаративных тропов, осуществленное на основе предложенных принципов, позволило представить логику развития семантических классов образов сравнения в статье СМЕРТЬ шестого выпуска «Материалов к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XXI вв.».

Результаты исследования. Выводы

Словарная фиксация олицетворения, позволяющая продемонстрировать реальное развитие в литературе персонифицирующих образных параллелей, представляет собой проблему поэтической лексикографии, так как классы образов сравнения становятся все более разветвленными, между ними возникают разнообразные отношения, на их пересечении рождаются новые тропеические конструкции, которые эволюционируют во времени.

На примере проекта одной словарной статьи (СМЕРТЬ) «Материалов к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XXI вв. Выпуск 6. Человек» показаны пути решения этой лексикографической проблемы: охарактеризованы принципы описания олицетворения, основанные на идеографической классификации языкового материала.

Такое представление материала позволило обнаружить, что компаративные тропы в языке художественной литературы образуют систему, при этом классы компаративных тропов находятся в постоянной динамике, фиксация которой и осуществлена в словаре. Он

демонстрирует основные направления эволюционных процессов в этих классах. Так, в результате классификации обозначений смерти на основе принятых принципов выявлено, что развитие классов образов сравнения происходит в направлении все большего разнообразия обозначений действий, функций, свойств, характеристик, состояний, орудий смерти, чему способствует актуализация семантических отношений между элементами лексической системы языка: «род – вид», «действие – деятель», «действие – инструмент», синонимия, антонимия, конверсия, отношения словообразовательной производности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-012-00009 «Интерактивный словарь компаративных тропов русской художественной литературы XIX–XXI вв.».

² Под поэтической лексикографией понимается словарное представление художественного языкового материала как поэзии, так и прозы, в связи с расширенным толкованием поэтического языка как включающего в себя весь спектр художественно преобразованной речи вне зависимости от формы ее воплощения (см.: [Григорьев, 1979, с. 72–80]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Афанасьев А., 1994. Поэтические воззрения славян на природу. В 3 т. Т. 1. М.: Индрик. 800 с.
- Баранов А. Н., 2014. Дескрипторная теория метафоры. М.: Языки славянской культуры. 632 с.
- Болквядзе Б. И., 1995. Олицетворение как феномен речевого художественного мышления: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж. 26 с.
- Гин Я. И., 1992. Поэтика грамматического рода. Петрозаводск: КГПИ. 170 с.
- Григорьев В. П., 1979. Поэтика слова. М.: Наука. 344 с.
- Караулов Ю. Н., 1976. Общая и русская идеография. М.: Наука. 356 с.
- Ковтунова И. И., 1995. О поэтических образах Бориса Пастернака // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Опыт описания идиостилей. М.: Наследие. С. 132–207.
- Кожевникова Н. А., 1995. Эволюция тропов // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Образные средства поэтического языка и их трансформация. М.: Наука. С. 6–79.
- Константинова С. К., 1997. Семантика олицетворения. Курск: Изд-во Курск. гос. пед. ун-та. 112 с.

- Некрасова Е. А., 1994. Олицетворение // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Тропы в индивидуальном стиле и поэтическом языке. М. : Наука. С. 13–104.
- Петрова З. Ю., 2017. Соматизмы как источник метафор в русском языке и русской поэзии // Языковая личность. Аспекты изучения. М. : МАКС Пресс. С. 221–238.
- Толстая С. М., 2012. Смерть // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. В 5 т. Т. 5. М. : Международные отношения. С. 58–71.
- Эпштейн М. Н., 1990. Природа, мир, тайник вселенной... Система пейзажных образов в русской поэзии. М. : Высш. шк. 303 с.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- Кожевникова, Петрова – Кожевникова Н. А., Петрова З. Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Вып. 1. М. : Языки русской культуры, 2000. 480 с. ; Вып. 2. М. : Языки славянских культур, 2010. 512 с. ; Вып. 3. М. : Языки славянской культуры, 2015. 448 с. ; Вып. 4, 5. М. : ЯСК, 2017. 680 с.
- Морковкин – Лексическая основа русского языка. Комплексный учебный словарь / под ред. В. В. Морковкина. М. : Русский язык, 1984. 1168 с.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>
- Павлович – Павлович Н. В. Словарь поэтических образов : в 2 т. М. : Эдиториал УРСС, 1999. Т. 1. 795 с. ; Т. 2. 872 с.
- Шведова – Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений : в 4 т. / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 1. М. : Азбуковник, 1998. 807 с. ; Т. 2. М. : Азбуковник, 2000. 762 с. ; Т. 3. М. : Азбуковник, 2003. 720 с. ; Т. 4. М. : ИРЯ Ин-т рус. яз., 2007. 952 с.

REFERENCES

- Afanasyev A., 1994. *Poetic Beliefs of the Slavs about Nature*. In 3 vols. Vol. 1. Moscow, Indrik Publ. 800 p.
- Baranov A.N., 2014. *Descriptor Theory of Metaphor*. Moscow, Yazyki Slavyanskoy Kultury Publ. 632 p.
- Bolkvadze B.I., 1995 *Personification as a Phenomenon of Literary Language Thinking. Cand. Philol. Sci. Abs. Diss.* Voronezh. 26 p.

- Gin Ya.I., 1992. *Poetics of the Grammatical Gender*. Petrozavodsk, Karelian State Pedagogical Institute Publ. 170 p.
- Grigorev V.P., 1979. *Poetics of the Word*. Moscow, Nauka Publ. 344 p.
- Karaulov Yu.N., 1976. *General and Russian Ideography*. Moscow, Nauka Publ. 356 p.
- Kovtunova I.I., 1995. On Poetic Images of Boris Pasternak. *Ocherki istorii yazyka russkoy poezii XX veka. Opyty opisaniya idiostilei* [Essays on the History of 20th Century Russian Poetic Language. Trials of Idiostyles' Description]. Moscow, Nasledie Publ., pp. 132-207.
- Kozhevnikova N.A., 1995. Evolution of Tropes. *Ocherki istorii yazyka russkoy poezii XX veka. Obraznye sredstva poeticheskogo yazyka i ikh transformatsiya* [Essays on the History of 20th Century Russian Poetic Language. Figurative Means of the Poetic Language and Their Transformations]. Moscow, Nauka Publ., pp. 6-79.
- Konstantinova S.K., 1997. *Semantics of Personification*. Kursk, Kursk State Pedagogical University Publ. 112 p.
- Nekrasova E.A., 1994. Personification. *Ocherki istorii yazyka russkoy poezii XX veka. Tropy v individualnom stile i poeticheskom yazyke* [Essays on the History of 20th Century Russian Poetic Language. Tropes in the Individual Style and Poetic Language]. Moscow, Nauka Publ., pp. 13-104.
- Petrova Z.Yu., 2017. Somatisms as a Source of Metaphors in the Russian Language and Russian Poetry. *Yazykovaya lichnost. Aspekty izucheniya* [Linguistic Identity. Aspects of Research]. Moscow, MAKS Press, pp. 221-238.
- Tolstaya S.M., 2012. Death. *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar* [Slavic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary]. In 5 vols. Vol. 5. Moscow, Mezhdunarodnye Otnosheniya Publ., pp. 58-71.
- Epshtein M.N., 1990. *Nature, world, Universe hiding place: system of landscape images in the Russian poetry*. Moscow, Vysshaya Shkola Publ. 303 p.

SOURCES AND DICTIONARIES

- Kozhevnikova N.A., Petrova Z.Yu. Materials for the Dictionary of Metaphors and Similes of the 19–20th Centuries Russian Literature. Vol. 1. Moscow, Yazyki Russkoy Kultury Publ., 2000. 480 p.; Vol. 2. Moscow, Yazyki Slavyanskikh Kultur Publ., 2010. 512 p.; Vol. 3. Moscow, Yazyki Slavyanskoy Kultury Publ., 2015. 448 p.; Vol. 4, vol. 5. Moscow, YASK Publ., 2017. 680 p.

Morkovkin V.V., ed. *Lexical basis of the Russian language: a comprehensive learner's dictionary*. Moscow, Russkiy Yazyk Publ., 1984. 1168 p.
Russian National Corpus. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
Pavlovich N.V. Dictionary of Poetic Images. In 2 vols. Moscow, Editorial URSS Publ., 1999. Vol. 1. 795 p.; vol. 2. 872 p.
Shvedova N.Yu., ed. *Russkiy semanticheskiy slovar. Tolkoviy slovar, sistematizirovannyy po*

klassam slov i znacheniy [Russian Semantic Dictionary. Explanatory Dictionary Systematized by Word and Meaning Classes]. Vol. 1. Moscow, Azbukovnik, 1998. 807 p.; Vol. 2. Moscow, Azbukovnik, 2000. 762 p.; Vol. 3. Moscow, Azbukovnik, 2003. 720 p., Vol. 4. Moscow, Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, 2007. 952 p.

Information about the Authors

Zoya Yu. Petrova, Candidate of Sciences (Philology), Leading Researcher, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Volkhonka St., 18/2, 119019 Moscow, Russia, zoyap@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5390-8029>

Natalia A. Fateeva, Doctor of Sciences (Philology), Chief Researcher, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Volkhonka St., 18/2, 119019 Moscow, Russia, nafata@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0916-1161>

Информация об авторах

Зоя Юрьевна Петрова, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, ул. Волхонка, 18/2, 119019 г. Москва, Россия, zoyap@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5390-8029>

Наталья Александровна Фатеева, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, ул. Волхонка, 18/2, 119019 г. Москва, Россия, nafata@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0916-1161>